

С.П. Перегудов*

КРУПНЫЕ РОССИЙСКИЕ КОРПОРАЦИИ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ: ОТ ПАРТНЕРСТВА К ПАТЕРНАЛИЗМУ?

В течение сравнительно короткого времени отношения российского бизнеса с властью претерпели поистине драматические метаморфозы. За менее, чем 10-летний период сменилось уже два этапа этих отношений, а с лета 2003 г. наступил новый, третий этап, в ходе которого и бизнес, и власть начинают устанавливать правила игры, существенно отличающиеся от тех, которых они придерживались в течение предшествующих двух.

Поскольку и о первом, и о втором этапах взаимодействия бизнеса и власти имеется уже большое количество публикаций, и в том числе – достаточно серьезных и глубоких, в данной статье есть резон сосредоточиться на событиях, которые выводят данные отношения на качественно новый виток их развития и которые, как полагает автор, наверняка скажутся и на состоянии нашей политической системы в целом.

Начало этим событиям было положено открытием «дела ЮКОСа» и теперь уже бывшего его главы М.Ходорковского, которое сразу же вызвало острейшую общественную дискуссию и затронуло принципиальные вопросы как экономической, так и политической жизни страны.

Однако прежде, чем переходить к данному сюжету и его подоплеке, попытаюсь для полноты картины прорисовать в самом общем виде тот путь, который прошли отношения бизнеса и власти где-то с середины 90-х гг. и до того момента, когда в начале июля с.г. открытием «дела ЮКОСа» был в буквальном смысле этого слова взорван прежний порядок вещей.

От олигархического корпоративизма к «равноудаленности». Не успев еще оформиться организационно и занять подобающее ему место в экономике, крупный российский капитал самым решительным образом вторгся в сферу политики и во многом предопределил ту систему отношений, которая утвердилась в стране в годы второго президентства Б.Ельцина. Оттеснив из окружения президента тогдашних «силовиков» (Коржаков, Барсуков и К^о) т.н. семибанкирщина (Березовский, Гусинский, Потанин и иже с ними) мобилизовала находившиеся под ее контролем финансовые и медийные ресурсы и в тесном союзе с лояльными президенту силами нанесла поражение рвавшейся к власти КПРФ и ее союзникам. Обеспечив победу Ельцина на выборах 1996 г., узкий круг приближенных к нему лиц создал неформальный, но располагавший решающими властными полномочиями центр силы (т.н. семью), решающую роль в котором стали играть «олигархи». Ряд ведущих политиков, аналитиков и журналистов заговорили о «приватизации власти» верхушкой «новой буржуазии» и это, в общем и целом, отражало сложившийся расклад политических

* *Перегудов Сергей Петрович* – главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор исторических наук, профессор.

сил. Со своей стороны, автор данной статьи квалифицировал тогдашнюю систему отношений крупного бизнеса и власти как «олигархический корпоративизм», суть которого сводилась к тому, что в отношениях указанных субъектов непомерно большую роль заняли неформальные «согласования», нацеленные на извлечение политической ренты. Эта рента представляла собой не что иное, как государственную собственность, которая отчуждалась в пользу близких к власти «олигархов» и частично – самой бюрократии и представляла собой извращенную форму первоначального накопления капитала¹.

Дефолт 1998 г., больно ударивший по сформировавшимся к тому времени рыхлым финансово-промышленным холдингам и конгломератам, стимулировал создание более жестко и рационально организованных корпоративных структур типа «Норильского никеля», «ЮКОСа», «Алрось», «Северстали», и др. К моменту прихода В.Путина к власти эти структуры превратились в костяк российской экономики, обеспечивая львиную долю экспорта и бюджетных поступлений. То обстоятельство, что подавляющее большинство данных корпораций принадлежало и принадлежит к сырьевому сектору, обусловило серьезнейший дисбаланс в российской экономике между компаниями и предприятиями данного сектора и отраслями обрабатывающей промышленности. Причем чем очевиднее становилась необходимость выравнивания этого дисбаланса для нормального развития российской экономики, тем все более весомую политическую значимость эта проблема обретала.

Не удивительно, что как только верховная власть в России поменялась и высшую ее ступень занял новый президент, модель олигархического корпоративизма подверглась решительной ломке. В течение относительно короткого периода она уступила место новой, более равновесной модели, в рамках которой между крупным бизнесом и президентской властью установились правила игры, основанные на т.н. равноудаленности и «вертикали власти». Весомая роль бизнеса в политике продолжала сохраняться, однако она была довольно жестко ограничена сферой социально-экономических отношений. Что касается внешней, внутренней и военной политики, то вся эта чисто политическая сфера стала практически свободной от вмешательства бизнеса.

Подобного рода ограничения породили своего рода миф об удалении или «отказе» бизнеса от политики, что никак не соответствовало действительности. Ибо в решающей сфере, которая предопределяет будущее страны и ее место в мире, т.е. в сфере экономической политики роль бизнеса полностью сохранилась. Больше того, она не просто сохранилась, но и существенно возросла. В немалой степени этому способствовали продолжавшаяся экспансия крупных корпораций внутри и вне страны, и прежде всего масштабное перераспределение собственности в их пользу, на этот раз, правда, уже не столько государственной, сколько в основном недостаточно прочно защищенной частной². Другим моментом, также существенно укреплявшим политическую роль корпоративного бизнеса, явилась его организационная консолидация и, в частности, занятие им лидирующего положения в основной

¹ См.: *Перегудов С.П.* Новый российский корпоративизм: олигархический или демократический? // *Полития.* № 2. 1998. С. 102–128.

² Подробно об этом см.: *Перегудов С.П.* Корпорации, общество, государство. М., 2003. С. 68–92.

предпринимательской организации страны – Российском союзе промышленников и предпринимателей.³ Созданное представителями крупнейших корпораций бюро правления РСПП стало не только основным центром принятия решений в этой организации, но и главным контрагентом президентской и правительственной власти в процессе выработки социально-экономической политики государства.

Разумеется, отношения крупного бизнеса и власти не ограничивались взаимодействием в рамках тех формальных и неформальных согласований,

которые стали практиковаться на данном, высшем политическом уровне. Весьма важное место в этих отношениях занимал лоббизм в Думе и органах исполнительной власти, использование т.н. административного ресурса при перераспределении собственности, сложные и не укладывающиеся в какую-то одну формулу отношения на местном и региональном уровнях. Тем не менее в широком, политическом плане именно в ходе упомянутых согласований вырабатывались и принимались наиболее важные для страны и ее будущего решения.

«Вертикаль» под вопросом. Казалось бы, сформировавшаяся модель отношений, участниками которой являлись наиболее сильные политические игроки, настолько прочно утвердилась в системе власти, что ей предстояло доминировать в российской политике долгие годы вперед. Но в действительности модель эта уже спустя немногим более двух лет своего существования перестала устраивать сразу обе основные стороны взаимодействия, а именно Президента и большой бизнес.

Что касается крупного бизнеса, то осуществив крупномасштабное перераспределение собственности, и в том числе захват находившихся в руках не слишком крепких владельцев частного сектора предприятий и компаний, он не только обрел новый политический вес, но и новые политические амбиции. На региональном уровне некоторые из его представителей без особых усилий пробилась в губернаторы и мэры крупных городов, и, судя по всему, кое-кому из них захотелось поучаствовать в борьбе за власть и на федеральном уровне. Не в последнюю очередь на политической ментальности российской бизнес-элиты начал сказываться и выход возглавляемых ею компаний на мировой, глобальный рынок. Становясь все более интернациональным, наш корпоративный капитал и его представители неизбежно осваивают принципы и нормы политического участия, которыми руководствуются его партнеры в странах Запада. Суть этих норм и лежащей в их основе ментальности предельно просты – как и любой отдельный гражданин, бизнесмен волен поддерживать любую не запрещенную законом политическую силу, причем поддерживать не только своим голосом, но и деньгами (также, разумеется, не нарушая закона). В свою очередь политические организации, и прежде всего партии борются не только за электорат, но и за поддержку бизнеса, без которой их шансы на завоевание избирателей резко снижаются. На этих принципах, по сути дела, держится вся партийно-политическая система стран Запада, благодаря им осуществляется ротация власти, правящие партии периодически отправляются в оппозицию, а оппозиционные – становятся правящими. Роль бизнеса в такого рода ротации

³ См.: Зудин А. Неокорпоративизм в России // Pro et Contra. 2001. № 4.

– одна из ключевых, причем с переориентацией социал-демократии с некогда мощного рабочего класса на средние слои и предпринимателей эта роль еще более возросла.

Ротация партий у власти отнюдь не ограничивается кругом стран с парламентской системой правления. С некоторой спецификой она характерна и для президентских политических систем.

Исходя из подобных принципов политического участия, российский большой бизнес также счел для себя вполне естественной целенаправленную поддержку близких ему по идеологии и ментальности политических сил, а его наиболее амбициозные представители – и свое участие в борьбе за высшие государственные посты. Наиболее четко озвучил эти настроения корпоративного бизнеса М.Ходорковский, который, с одной стороны, заявил о своей поддержке СПС и «Яблока», а с другой, о том, что примерно через 5 лет он уйдет из бизнеса. Многие поняли (и скорее всего – правильно) это заявление как намек на возможность выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах 2008 г. В случае, если бы что-то подобное произошло и бизнес стал бы реально претендовать на формирование дееспособной оппозиции, вполне могла бы измениться вся система политического управления Россией. Возникла бы реальная возможность прихода к власти оппозиционных сил, ротации правящих групп у кормила правления и, возможно, открылись бы перспективы перехода к парламентской или, что более реально, к президентско-парламентской республике. Трудно сказать, насколько широко были распространены подобные настроения и устремления среди «олигархата», но можно не сомневаться в том, что политические верхи, и в том числе самые высокие, восприняли озвученные Ходорковским намерения весьма и весьма серьезно. Тем более, что их все в большей мере стала раздражать чрезмерная лоббистская активность корпораций, и особенно сырьевых, их нежелание «делиться» своими сверхдоходами как с государством, так и с согражданами.

Власть явно была не готова к тому, чтобы поменять сложившиеся (и во-многом соответствующие историческим традициям) методы смены правящих групп у кормила правления. На смену действующему правителю мог придти и крупный бизнесмен, однако по существующим неписанным правилам это должен быть «свой» бизнесмен, и никто другой.

Недовольство «олигархами» подогревалось и усиливалось теми импульсами, которые исходили от довольно влиятельной части политической элиты, (включая т.н. силовиков) и экспертного сообщества.

Решимость власти принять «вызов» и нанести упреждающий удар по «олигархам» во-многом была обусловлена все более очевидными аномалиями в распределении собственности и доходов, а также обострением противоречий внутри самого бизнес-сообщества. Именно эти аномалии и противоречия, как представляется автору, и обусловили ту «глухую оборону», в которую ушел корпоративный капитал сразу же после открытия «дела ЮКОСа» в начале июля с.г.

Корпоративный капитал в обороне. Что касается отношений собственности, то несмотря на все попытки владельцев крупных состояний окончательно легализовать свои права на доставшиеся им практически за бесценок активы и, соответственно, те сделки, в

результате которых они стали их собственниками, ни законодательно, ни иным путем эти права утверждены не были. И хотя о национализации и других способах изъятия активов никто из власть придержащих всерьез не помышлял, слабая легитимность многих из этих активов давала возможность ставить под сомнение законность многих сделок, подключать правоохранительные органы к выявлению уголовно наказуемых нарушений и т.д. и т.п. Дела Гусинского и Березовского нагляднейшим образом демонстрировали уязвимость «олигархов», и хотя в 2000 г. новый президент пообещал, что передела собственности не будет, попытки «олигархов» пролоббировать замену 10-летнего срока давности экономических преступлений на 3-х летний (что автоматически легализовало бы все сделки в ходе залоговых аукционов 1995–1997 гг.) оказались тщетными. В руках властей, таким образом, сохранялся мощнейший рычаг давления и на отдельных крупных бизнесменов, и на верхушку корпоративного бизнеса в целом. Ощущение неустойчивости своего положения усиливалось и крайней узостью слоя, а точнее – группы крупных бизнесменов-собственников. Попытки расширить границы этой группы и превратить ее в «нормальный» правящий класс путем приобщения к нему менеджериальной страты пока еще не дали результатов, а почти полное отсутствие усилий по установлению производственных, технологических и иных связей с мелким и средним бизнесом исключили, по крайней мере на данном этапе, формирование эффективных солидаристских начал в бизнес-сообществе в целом.

Не менее наглядно стали выявляться и аномалии другого порядка, а именно наличие серьезнейших проблем в отношении между двумя основными группировками корпоративного капитала, которые условно можно назвать неолиберальной и неоэтаристской. Если первая уже практически вписалась в мировой рынок и успешно конкурирует с другими ее участниками (в основном это корпорации сырьевого сектора), то вторая большей частью находится в кризисном, а нередко и в критическом состоянии и нуждается в тех или иных формах государственной поддержки (это значительная часть бывшего военно-промышленного комплекса, машиностроения, ряда других отраслей обрабатывающей промышленности). Также условно первую часть корпоративного сектора можно назвать свободно-рыночной, а вторую – государственно-капиталистической.

По мере того, как развитие российской экономики все более отчетливо выявляет, а где-то и усугубляет ее неравновесный, преимущественно сырьевой характер, компании и предприятия, принадлежащие ко второму, госкапиталистическому сектору экономики проявляют все большее недовольство неспособностью государства придти им на помощь и предпринять реальные шаги по выправлению указанного дисбаланса. Примечательно, что противоречия между двумя секторами стали все острее проявляться и внутри основной организации корпоративного бизнеса – бюро РСПП. Подготовленные группой промышленной политики во главе с президентом АФК «Система» В.Евтушенковым предложения были в начале 2003 г. отвергнуты основным составом бюро, в котором погоду делают сторонники

«свободного рынка».⁴ Со своим вариантом промышленной политики выступила другая влиятельная организация российского бизнеса – Торгово-промышленная палата. Однако ее предложения натолкнулись на резкое неприятие либерально-рыночных деловых и интеллектуальных кругов.

Однобокая, «сырьевая» ориентация российской экономики стала вызывать растущее беспокойство в рядах интеллектуальной и политической элиты страны, включая и самого Президента. Его критика в адрес правительства весной 2002 г. (за отсутствие «амбициозных идей») и его указание увеличить вдвое российский ВВП к 2010 г. воспринимались многими как нацеленные не просто на экономический рост, но и на качественные сдвиги в российской экономике.

Таков, в самых общих чертах, был тот экономический, социальный и политический бэкграунд, который обусловил неожиданно громкий резонанс «дела ЮКОСа» и придал конфликту интересов вокруг него крупномасштабный, «системный» характер.

Казалось бы, позиции наиболее влиятельной части корпоративного капитала, которая, конечно же, с самого начала не заблуждалась относительно политического характера «дела ЮКОСа» (при довольно большом разбросе

конкретных его интерпретаций), оказались настолько слабыми, что ему не оставалось ничего иного, как пойти на серьезные уступки властям и поскорее уладить конфликт на ее условиях. Глава РСПП Вольский открыто заявил о том, что бизнес «растерян», а деловая пресса заговорила о том, что бизнес «напуган», «подавлен», «утратил способность к активной обороне» и т.д. и т.п.

Однако заставить элиту корпоративного бизнеса «лечь под власть» и отказаться от политических амбиций оказалось далеко не просто. Уж если в советское время, в условиях «планового хозяйства» и жесткой властной иерархии директорату удалось превратить это хозяйство в «административный рынок», то сегодня, при наличии у корпоративной элиты мощного экономического и политического ресурса низвести ее роль к роли простого исполнителя воли власть придержащих – задача практически невыполнимая.

В упомянутой мною книге я довольно подробно рассматриваю вопрос о слагаемых политического ресурса российских корпораций и потому остановлюсь здесь лишь на тех из них, которые в данной ситуации оказались наиболее востребованными. В первую очередь – это «доверие бизнеса» к власти и его оценка среды (политической, социальной, экономической), в которой он действует. В случае, когда оба этих фактора неблагоприятны для него, он снижает свою активность, и в том числе инвестиционную, стремится увести контролируемые им активы из страны и предпринимает другие подобные действия (или бездействие). В практике западного бизнеса подобные действия часто называют «забастовкой бизнеса». Хотя летом и осенью 2003 г. до подобных крайних мер дело не дошло, отток капиталов, снижение деловой активности, падение капитализации имели место, и об этом довольно много писала наша пресса, причем не только деловая. Естественно, что подобные

⁴ Обновленный вариант предложений, подготовленный несколько месяцев спустя, еще не вышел из стадии обсуждения.

симптомы, которые в случае их углубления могли всерьез осложнить социально-экономическую ситуацию в стране, не могли не обеспокоить власти. Как это ни странно звучит, но сама «растерянность» бизнеса, его «подавленность» оказались в данной ситуации своего рода козырной картой в его руках. Ибо она стала не чем иным, как одним из проявлений (пусть и произвольным) того резко упавшего «доверия» или «бизнес-климата», которые напрямую воздействуют на деловую активность и вынуждают власти изыскивать способы нормализации этого климата.

Вторым, также весьма и весьма существенным моментом, который постарались в полную меру использовать и руководство «ЮКОСа», и, видимо, другие солидарные с ним представители бизнес-элиты – это их достаточно далеко продвинувшиеся экономические и политические связи с зарубежными фирмами и правительствами. Упомянутое выше снижение капитализации было ничем иным, как проявлением упадка «доверия» к российской власти уже преимущественно со стороны международного бизнеса. Что же до западных политических кругов, то их «солидарность» с российской бизнес-элитой и озабоченность «наездом» на нее публично озвучил посол США в России, а по более доверительным каналам, скорее всего, не только он один.

По сути дела российские власти где-то уже через месяц после открытия дела «ЮКОСа» были поставлены перед выбором: либо продолжать начатое и идти на такие радикальные меры, как пересмотр итогов приватизации, национализацию (полную или частичную) сырьевых и иных компаний и производств, переход к преимущественно директивному управлению экономикой, т.е. взять курс на утверждение того или иного варианта плановой экономики; либо пойти на компромисс и осуществить пусть и существенную, но не столь далекоидущую коррекцию сложившейся в начале президентства Путина модели. Хотя в «политическом классе» и имелись влиятельные силы, выступавшие за первый вариант, «погоду» в стране делают не они, а совсем другие, более трезвомыслящие люди. Понимая, как каким катастрофическим последствиям может привести радикальная ломка утвердившихся экономических отношений, они взяли ориентацию на значительно более мягкий вариант перестройки модели.

Как упомянутые, так и не упомянутые здесь причины и факторы способствовали тому, что ситуация вокруг «ЮКОСа» к середине августа стала явно разряжаться. Знаковым событием здесь стало решение Министерства по антимонопольной политике дать согласие на слияние «ЮКОСа» и «Сибнефти».⁵ Заслуживает внимания и тот факт, что рейтинг М.Ходорковского в июле-августе 2003 г. практически не понизился (4–7 место среди 100 ведущих российских политиков – по данным «Независимой газеты»). Создавалось впечатление, что те, кто хотел превратить его в «хромую утку» и преподать на его примере урок другим, явно просчитались.

⁵ Напомню, что по одной из версий (правда, далеко не единственной) едва ли не главной причиной открытия «дела «ЮКОСа» было стремление властей воспрепятствовать этой сделке.

Однако, как показали последующие события, дело «ЮКОСа», равно как и установление новых правил игры в отношениях между бизнесом и властью еще далеки от своего завершения. Больше того, с начала сентября начал раскручиваться новый виток в противостоянии «этатистов» и «антиэтатистов», причем на сей раз в открытую полемику начали втягиваться и сами представители крупного бизнеса. (Знаковым событием здесь стало выступление В. Евтушенкова, ратующего за «установление границы между бизнесом и властью, которую ни одна из сторон не должна преступать» – «Ведомости», 10.09.03). Чем закончится этот новый виток, и в том числе для самого Ходарковского, трудно сказать. Однако отвлекаясь от политической конъюнктуры, можно утверждать, что чем бы, конкретно, ни завершился нынешний конфликт интересов и амбиций, уже сейчас можно говорить о серьезных качественных изменениях, которые претерпевают отношения бизнеса и власти. Арест Ходарковского и последующие действия властей продемонстрировали их стремление максимально деполитизировать «дело ЮКОСа» и его владельцев, превратив его в отдельно взятый казус, который не должен сказаться на отношениях бизнеса и власти в целом. Но как бы ни складывались события дальше, есть все основания полагать, что в силу рассмотренных выше обстоятельств отношения эти не вернутся вспять, а претерпят серьезные качественные изменения.

Контуры новой модели. Исходя из логики и существа принятого здесь подхода, новые или обновленные параметры отношений целесообразно рассмотреть в двух основных измерениях – чисто политическом и политико-экономическом. Учитывая, что процесс становления новых отношений находится в начальной стадии, попытаюсь сформулировать основные моменты и первого, и второго измерений в предельно сжатой, прогностической форме.

I. Партийно-политическая сфера отношений

I.1. Настойчивые усилия власти «побудить» крупный бизнес отказаться от участия в партийно-политической борьбе на стороне оппозиционных ей партий, ставят под вопрос, по крайней мере в ближайшие годы, возможность формирования дееспособной оппозиции и перехода от моноцентричной к полицентричной модели, обеспечивающей периодическую ротацию политико-экономических элит у власти.

I.2. Принципиально новым моментом в отношениях бизнеса и власти становится участие в них наряду с группировкой крупного корпоративного капитала преимущественно сырьевого сектора других групп бизнеса, включая мелкий и средний. Та модель взаимодействия бизнеса и власти, которая утвердилась в 2000- п.п. 2003 гг., явно ушла в прошлое. Уже сама по себе склонность Президента встречаться и обсуждать проблемы российской экономики с представителями фирм и предприятий обрабатывающей промышленности и деятелями, выступающими за активную поддержку ее наиболее перспективных секторов, свидетельствует о том, что возврата к прежней двусторонней модели отношений большого бизнеса и власти ожидать не приходится.

I.3. Судя по всему, и сам корпоративный капитал осознал ущербность и нерациональность, с точки зрения его собственных интересов, подобного рода упрощенной

системы отношений. Наглядное свидетельство тому – его стремление привлечь к прямому участию в новой системе отношений руководителей малого и среднего бизнеса, а также наиболее авторитетные организации гражданского общества.

I.4. Что касается этих последних, то заявленная в июльском Обращении РСПП к Президенту идея подключения их к системе отношений групп интересов бизнеса и государства – это, с точки зрения автора, давно назревшая необходимость, и если такого рода участие начнет реализовываться, оно наверняка придаст существующей системе функционального представительства более равновесный характер. К слову сказать, сам факт участия указанных групп и организаций бизнеса в Обращении – это и свидетельство их серьезной озабоченности возможными негативными для российской государственности и бизнес-сообщества последствиями «произвола» силовиков.

I.5. Судя по всему, сам принцип согласования между группами интересов и институтами власти в процессе выработки и принятия государственных решений сохранится, однако и состав его участников, и сами его формы станут более разнообразными. Сказать об этих формах что-то более определенное сейчас не представляется возможным, идеи «форума» или форумов, а также «Общественного договора», высказанные в Обращении слишком общи, и даже если они и будут приняты, наверняка возникнут и другие каналы и способы взаимодействия.

Можно, однако, не сомневаться в том, что согласование это будет носить не только более сложный, но и более конфликтный характер, в связи с чем неизбежно усиление роли Президента в качестве арбитра и высшей инстанции в системе принятия решений.

При всем том, несмотря на чувствительный урон и в престиже, и в политическом влиянии, который претерпел крупный корпоративный капитал во втором полугодии 2003 г., в отношениях с властью он не превратился в «клиента», находящегося под патронажем власти. Утверждение патрон-клиентских отношений между властью и бизнесом в современной России невозможно в силу целого ряда причин, и в том числе незаинтересованности в подобного рода «лежачем» положении бизнеса самой высшей власти. Можно предсказать и то, что несмотря на произошедший сбой, большой бизнес России не откажется от своих политических амбиций и в случае, если рыночные отношения в стране будут развиваться и укрепляться, а «диктатура закона» не превратится просто в диктатуру, бизнес рано или поздно займет свое место и в партийно-политической жизни страны.

II. Политико-экономический ракурс

II.1. Совершенно очевидно, что социальная составляющая в деятельности большого бизнеса, особенно сверхдоходного, существенно возрастет, причем не только по отношению к собственному персоналу, членам семей, местным сообществам, но и к более широким слоям общества. Концепция «корпоративного гражданства» начнет реализовываться более основательно, чем до сих пор.

II.2. Не менее очевидно и то, что заметно ослабнет сопротивление «сырьевиков» и их прямых и непрямых лоббистов попыткам введения природной ренты и другим возможным

способам перераспределения доходов в пользу отраслей обрабатывающей промышленности, науки и наукоемких производств.

П.3. Уже в ближайшие месяцы будут разработаны, и, возможно, приняты на высшем политическом уровне основные принципы и направления экономической стратегии, нацеленные на выправление «сырьевого» крена в народном хозяйстве страны.

П.4. Упомянутые выше инициативы Президента и его встречи с представителями бизнеса свидетельствуют о вполне определенном отходе его от приверженности преимущественно либеральной модели экономического развития России. Но это ни в коей мере не означает и не будет означать перехода к однозначно этатистским или неэтатистским концепциям такого развития. Либеральная риторика и ориентация на укрепление свободно-рыночных отношений, вхождение российской экономики в глобальный рынок наверняка сохранится.

Подобного рода ориентацию скорее всего можно будет квалифицировать как один из вариантов «третьего пути», в чем-то созвучном аналогичной концепции Т.Блэра и других новых социал-демократов.

В свете сказанного не исключено, что и в администрации Президента, и в правительстве произойдут изменения, которые отразят уже на кадровом, персональном уровне указанную смену ориентации. Отставку А.Волошина в ноябре с.г. можно, скорее всего, считать началом данных изменений.

Разумеется, все сказанное выше – лишь авторская версия событий лета и осени 2003 г. и тех порой не лежащих на поверхности факторов, которые лежат в их основе. В то же время, несмотря на наличие целого ряда иных интерпретаций данных событий, а также необходимость более глубокого и всестороннего проникновения в их суть, смысл и «бэкграунд», автор убежден, что основной вектор изменений им выявлен правильно и что мы имеем дело с событиями, которые самым существенным образом скажутся на политическом и социально-экономическом развитии России.